



Реалити

Эдуард Шауров

Кабриолет затормозил возле новенькой помпезной высотки с барельефами. Богдан расплатился с сидящим на козлах шофером, выбрался из машины и помог вылезти Ляле. Они остановились на краю тротуара под сияющим знаком стоянки. Ляля, прижимая к груди изысканный ультрамариновый букетик, украдкой огляделась по сторонам. Она раньше никогда не бывала в этой части города. Тротуары, выложенные нежно-голубой и розовой плиткой, высокие витые фонари с хрустальными стеклами, узорчатые рамы рекламных экранов и разноцветные голуби на широком лепном карнизе: желтые, фисташковые, бледно-фиолетовые, как кожа кальмара. Аккуратно постриженные деревья похожи на воздушные шарики, подвешенные над мраморными бордюрами. И вереница виноградных улиток с зеркальными раковинами, ползущая по стойке сияющего знака. Ляля подняла голову: высоко в небе, между крышами многоэтажек, кружил золотистый дракон... В общем-то все как и везде.

— Спасибо, — сказал Богдан в открытое окно машины.

— Валите, насекомые, — мрачно процедил шофер, глядя на пару с гадливым выражением. Явный гипер...

Ляля постаралась не обижаться и вообще не обращать внимания. Гиперы часто бывают грубыми. Богдан поймал ее за руку и потянул к стрельчатым дверям холла.

— А куда мы? — весело допытывалась Ляля в ажурном лифте.

— К одному человеку. — Богдан таинственно улыбался красивым аристократическим ртом. — У него здесь студия.

— Ух ты! А кто он?

— Он интерхакер. И чинит экзоскилы.

— Здорово. А это будет не больно?

— Нет. Это же офтософт. Не больше апгрейда.

Лифт вынес их на тридцатый этаж, в застекленную галерею. Сквозь прозрачные до воздушности стекла открывался вид на город, на зубчатые башенки соседних зданий, на шпили, стрельчатые окна. Ляля отчетливо видела, как колышутся флажки на антеннах, как помаргивают росчерки голорекламы. Над крышами, в небесной синеве парил уже не один дракон, а целых четыре.

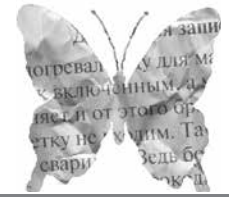
— Сюда, — ласково позвал Богдан, увлекая Лялю к ряду дверей на другой стороне зала.

Они проскочили галерею и остановились у одного из проходов.

— Ты точно согласна? — еще раз спросил Богдан. — Если мы хотим строить отношения...

— Я согласна, — в десятый раз сказала Ляля. — Я так тебя люблю, что вообще на все согласна.

— Для меня это очень важно. — Богдан, нахмурившись, приложил ладонь к гостевому сенсору и сказал: — Это мы.



ФАНТАСТИКА

Студия сразу понравилась Ляле. Достаточно просторная и обставленная с большим вкусом: зеркала во всю стену, золоченые консоли под блоками компьютерной станции, кресла с высокими узорчатыми спинками, ряды бронзовых слонов, шагающих по потолку. И хозяин студии Ляле тоже понравился: невысокий, скуластый и черноволосый, одетый в бежевый домашний костюм.

— Знакомься, это Айдар, — проговорил Богдан.

Ляля подала ручку, и хакер галантно пожал кончики ее пальцев.

— Дарик, — сказал он, измеряя Лялю ироничными раскосыми глазками. И добавил, обращаясь к Богдану: — Обалдеть, какая она у тебя карамельковая. Я бы с такой за день ошизел.

— А ты иди приборы готовь, — отозвался Богдан.

— Да уж сделано... почти. — Айдар, насвистывая, ушел в глубь помещения.

— Он случайно не гипер? — шепотом спросила Ляля. — Чего он так смотрит?

— Нет, — Богдан покачал головой. — Дарик не гип. Скорее наоборот. У него прокачанный «хамелеон». Пока Дарик стоит с кем-то рядом, его головняк вскрывает и эмулирует чужой офтософт. Он вроде как смотрит на мир твоими глазами.

— А это законно? — осторожно спросила Ляля.

— Конечно, нет.

— Готово, — сообщил Айдар. — Можно садиться. Цветы положи куда-нибудь.

Ляля и Богдан подошли к одному из разложенных кресел. Ляля передала своему спутнику букет и опустилась на упругую белоснежную поверхность.

— Мне нравится нежный оттенок бутонов, — сказала она между прочим.

— Цветочки... — пробормотал Айдар, цепляя на Лялин лоб и виски с десяток импульсаров.

Завершив манипуляции с присосками, он опустил девушке на глаза непроницаемые очки-бинокли.

— А это не опасно? — прошептала Ляля.

— Абсолютно. Я не программирую твой головняк, не трогаю импланты в сетчатке, просто на два часа блокирую твой глазной софт. Раз, два, три.

— Что «три»? — не поняла Ляля.

— Готово.

Айдар один за другим отсоединил импульсары и снял с девушки очки.

— Але-оп!

Ресницы хлопнули. Раз. Другой. Не сводя глаз с потолка, Ляля подняла руки и потерла глаза кулачками.

— А где слоны? — спросила она изумленно.

— Тю-тю, — сказал Айдар.



ФАНТАСТИКА

Поражаясь все больше и больше, Ляля поднялась с кресла и сделала несколько неуверенных шагов. Зеркала были на месте, но все остальное...

Студия изменилась, изменилась неуволнимо, но в то же время разительно. Исчезла позолота с консолей, перфорация в спинках кресел уже не казалась узорами, ряды слонов с загнутыми хоботами превратились в свисающие с потолка тупоносые крючья. Костюм Айдара больше не выглядел изысканным. Теперь Ляля отчетливо различала пятна на штанинах и мятые клапаны карманов.

Девушка подняла глаза на Богдана и чуть не вскрикнула. Знакомое и в то же время чужое лицо. Почему она считала, что у Богдана аристократичная внешность? Рот, нос, глаза — все выглядело как-то иначе, и фигура больше не казалась утонченно-гибкой, сотканной из струн.

Ляля, словно сомнамбула, шагнула вперед и вдруг увидела себя. Она отражалась в зеркальной стене. Озноб ужаса пробежал по Лялиной спине. В зеркале была не Ляля. Не такие огромные глаза, как она привыкла видеть в других зеркалах, не такой безупречный нос, не такие пухлые губы; волосы вместо золотистых казались рыжеватыми. Даже новенькое платье с пышной юбкой выглядело не таким ярким, как сегодня утром.

— Вы что? — осипшим голосом проговорила Ляля. — Вы что со мной сделали, уроды?

— Ничего, — сказал Богдан. — Просто импланты в твоей сетчатке зависли, и ты видишь мир таким, какой он есть на самом деле, а не таким, какой тебе показывает твой офтософт.

— Через час пятьдесят семь минут все станет как раньше, — добавил каверзный Дарик.

Потрясенная Ляля смотрела на свое отражение.

— Мне нужно было знать, — словно извиняясь, сказал Богдан, — как ты меня воспримешь без компьютерных примочек. Прости, но это действительно важно.

Глаза у него стали тоскливыми.

— Ты... — выплюнула Ляля. — Вы...

Она развернулась на каблуках и кинулась прочь из студии. На середине длинной галереи, возле захватанного пальцами витража, Ляля остановилась. Никаких зубцов на крышах, никаких флагов и драконов, только рекламные голограммы и неопрятные сосиски каких-то летучих устройств. Прижавшись лбом к холодному стеклу, Ляля смотрела вниз. Узкая лента тротуара рядом со стоянкой уже не выглядела голубовато-розовой. Она выглядела серой.

Богдан остановился за спиной девушки.

— Прости меня, Ляль, — проговорил он виновато. — Но это правда. Я вижу мир без подсветки и подкраски, и ты должна была заглянуть в реальную реальность хотя бы одним...

— Ненавижу тебя! — крикнула Ляля. — Ты урод! Извращенец!

Она кинулась к лифту и ударила ладошкой по сенсору.

— Через два часа все вернется на круги своя, — грустно пообещал Богдан.

Когда поцарапанные двери кабины разъехались в стороны, он протянул девушке букетик, который до сих пор сжимал в кулаке.

— Убери! — взвизгнула Ляля. — Убери свои цветы! Они мерзкие!

Она наотмашь ударила по букету, и синие бутончики разлетелись по матовой плитке пола.

— Позвони мне, — без особой надежды сказал Богдан в закрывающиеся двери.

Лифт тихо дзынькнул и пошел вниз.

— Не позвонит, — предрек Айдар.

Богдан, ссутулившись, смотрел себе под ноги.

— У нее небось «принцесса» стоит лет с пяти, как мама с папой инсталлировали? — Хакер покосился на приятеля.

— С четырех, — сказал Богдан. — Потом она только апгрейдилась.

Айдар сунул руки в карманы.

— Забавный ты чел, Богдаха, — сказал он со странным выражением. — Какую ты уже ко мне приводишь? Седьмую? Девятую? А толку — ноль. На фига тебе вся эта ерунда? Где ты найдешь цыпу, готовую жить без офто? В наше время у каждого свой визуал. У кого «амазонка», у кого «гомо», у кого «био», у кого дизайнерское «не пойми что». Взял бы эту мисс розовые облака с драконами и не мучился. Нет худа без добра. У нее ты всегда будешь принцем, даже немый и небритый.

— Не знаю. — Богдан поглядел в окно. — Мне кажется, это нечестно.

— Ты какой-то феномен, — сказал Айдар. — Слушай, никогда не спрашивал... А почему ты вообще живешь без офтософта?

— Так уж получилось. — Богдан развел руками. — Мои родители поставили мне имплантаты в сетчатку, но софт загружать не стали. Они считали, что я должен сделать это сам, когда смогу решать. В пятнадцать я поставил себе первую программу, потом за три года перепробовал два десятка вариантов, а потом решил, что мне лучше так.

— Ты точно феномен. — Айдар засмеялся. — Из моих знакомых круче тебя только один совсем оттянутый гип. Он сделал шестнадцать нелегальных прокачек, довел свой софт до такого экстремизма, что теперь видит людей исключительно слюнявыми монстрами вроде Чужого. Я раз заглянул, чуть не обделался... А знаешь, — Дарик вдруг сделался серьезен, — когда я пытаюсь эмулировать тебя, мой софт отключается, и это, брат, такая расслабуха...

Богдан быстро придвинулся к стеклу и показал куда-то вниз.

— Вышла, — сказал он. — Садится в такси.

— Абстиненция, — невпопад заметил Айдар. Он нагнулся, поднял с пола синюю фиалку, затем задумчиво произнес: — И чего она увидела в них мерзкого? По моему, нормальные цветочки.

